

Емельян Пиляй — эпизод 4 из 5

Я к нему имел большое уважение, и он меня тоже очень любил. Бывало, днем сидит он за стойкой и читает книгу о французских разбойниках у него все книги были о разбойниках; слушаешь, слушаешь... дивные ребята были, дивные дела делали и непременно проваливались с треском. Уж, кажется, голова и руки ах ты мне! а в конце книги вдруг под суд цап! и баста! все прахом пошло.

Сижу я у этого Павла Петрова месяц и другой, слушая его чтение и разные разговоры. И смотрю ходят темные молодчики, носят светлые вещички: часики, браслеты и прочее такое, и вижу толку на грош нет во всех их операциях. Слямзит вещь Павел Петров даст за нее половину цены, он, брат, честно платил, сейчас гей! давай!.. Пир, шик, крик, и ничего не осталось! Плевое дело, братец ты мой! То один попадет под суд, то другой угодит туда же...

Из-за каких таких важных причин? По подозрению в краже со взломом, причем украдено на сто рублей! Сто рублей! Разве человеческая жизнь сто рублей стоит? Дубье!.. Вот я и говорю Павлу Петрову:

Все это. Павел Петров, глупо и не заслуживает приложения рук. Гм! как тебе сказать? говорит. С одной, говорит, стороны, курочка по зернышку клюет, а с другой действительно, во всех делах у людей уважения к себе нет; вот в чем суть! Разве, говорит, человек, понимающий себе цену, позволит свою руку пачкать кражею двугривенного со взломом?! Ни в каком разе! Теперь, говорит, хоть бы я, человек, прикосновенный моим умом к образованию Европы, я продам себя за сто рублей? И начинает он мне показывать на примерах, как должен поступать понимающий себя человек. Долго мы говорили в таком роде. Потом я говорю ему: Давно, мол, у меня, Павел Петров, есть в мыслях попытать счастья, и вот, мол, вы, человек опытный в жизни, помогите мне советом, как, значит, и что. Гм! говорит. Это можно! А не оборудовать ли тебе какое ни то дельце на свой риск и по своему расчету, без помочей? Так, например... Обаимов-то, говорит, с лесного двора через Ворсклу в единственном числе на беговых возвращается; а как тебе известно, при нем всегда есть деньжонки, на лесном от приказчика он получает выручку. Выручка недельная; в день торгуют они на три сотни и больше. Что ты можешь на это сказать? Я задумался. Обаимов это тот самый купец, у которого я служил в приказчиках. Дело дважды хорошее: и отместка ему за поступок со мной, и смачный кусок урвать можно. Нужно обмозговать, говорю. Не без этого, отвечает Павел Петров.

Он замолчал и медленно стал вертеть папироску. Закат почти угас, только маленькая розовая лента, с каждой секундой все более бледнея, чуть окрашивала край пухового облака, точно в истоме неподвижно застывшего в потемневшем небе. В степи было так тихо, грустно, и непрерывно лившийся с моря ласковый плеск волн как-то еще более оттенял своим монотонным и мягким звуком эту грусть и тишину. Над морем, одна за другой, ярко вспыхивали звездочки, такие чистенькие, новенькие, точно вчера только сделанные для украшения бархатного южного неба.

Н-да, браток, покумекал я над этим делом и в ту же ночь в кусты около Ворсклы залег, имея с собой шкворень железный фунтов семи весом. Дело-то было в октябре, помню в конце. Ночь самая подходящая: темно, как в душе человеческой... Место лучше желать не надо. Сейчас тут мост, и на самом съезде с него доски выбиты, значит, поедет шагом. Лежу, жду. Злобы, брат ты мой, в ту пору у меня хватило бы хоть на десять купцов. И так я себе это дело просто представил, что проще и нельзя: стук! и баста!.. Н-да!.. Так вот и лежу, знаешь, и все у меня готово. Раз! и получи денежки. Так-то. Бац! значит, и все тут!

Ты, может, думаешь, что человек в себе волен? Дудки, браток! Расскажи-ка мне, что ты завтра сделаешь? Ерунда! Никак ты не можешь сказать, направо или налево пойдешь завтра. Лежал я и ждал одного, а вышло совсем не то. Совсем несообразное дело вышло!

Вижу: от города идет кто-то пьяный как будто, шатается, в руках палка. Бормочет что-то; нескладно бормочет и плачет, всхлипывает... Еще ближе подошел, смотрю баба! Тьфу тебе, треклятая!